

*Вадим Перов*¹

МОРАЛЬНАЯ ПРИРОДА ЧЕЛОВЕКА И СПОРЫ О СМЕРТНОЙ КАЗНИ: КАНТ ПРОТИВ БЕККАРИА²

Аннотация. В 2003 году Я. А. Слинин опубликовал статью «Иммануил Кант против маркиза Беккариа». В этой работе он анализирует причины, почему Кант, будучи моральным философом и гуманистом, не только выступал за смертную казнь, но и пытался в полемике с Беккариа теоретически обосновать моральную правильность своей точки зрения. В этой статье рассматриваются основные аргументы данной дискуссии. Показано, что кантовский ретрибутивизм по вопросу о смертной казни соответствует основным идеям его моральной философии. Связано это с противопоставлением деонтологической этики с телеологической и утилитарными аргументами. Особое внимание уделено вопросу о моральной природе человека. Сформулирована идея о том, что рассмотрение природы человека с необходимостью должно включать телеологические стремления к морально правильной и хорошей жизни. Показано, что этика Канта демонстрирует свою ограниченность в вопросе о смертной казни, поскольку не учитываются стремления людей к счастливой и безопасной жизни. В статье обоснована идея о том, что высказанные Беккариа «утилитаристские» доводы против смертной казни являются морально более правильными и весомыми.

Ключевые слова: Кант, Беккариа, смертная казнь, этика, моральная философия, моральная природа человека, категорический императив, ретрибутивизм, телеологическая этика, деонтология, утилитаризм, хорошая жизнь.

Vadim Perov

THE MORAL NATURE OF MAN AND THE DEATH PENALTY DEBATE: KANT VS. BECCARIA

Abstract. In 2003, Yaroslav Slinin published the article “Immanuel Kant against Marquis Beccaria”. He analyzed the reasons why Kant, who is considered a moral philosopher and humanist, not only advocated the death penalty, but also tried to theoretically substantiate the moral correctness of his point of view in a debate against Beccaria. This article discusses the main arguments of this discussion. I have shown that Kant’s retributivism on the issue of the death penalty is in line with the basic ideas of Kant’s moral philosophy. This is made clear by contrasting deontological ethics with teleological ethics and utilitarian arguments. Particular attention is paid to the question of the moral nature of man. I formulate the idea that consideration of human nature must necessarily include teleological predilections for morally correct and good life. I argue that Kant’s ethics demonstrates its limitations as it comes the question

¹*Перов Вадим Юрьевич* — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры этики Санкт-Петербургского государственного университета.

Vadim Perov, PhD, docent, Department of Ethics, St. Petersburg State University.
vadimperov@gmail.com

²Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ № 22-28-00379 «Трансформации морального агентства: этико-философский анализ».

of the death penalty, because it does not take into account people's desire for a happy and safe life. In the article, I substantiate the idea that the "utilitarian" arguments against the death penalty expressed by Beccaria are morally more correct and better justified.

Keywords: Kant, Beccaria, death penalty, ethics, moral philosophy, human moral nature, categorical imperative, retributivism, teleological ethics, deontology, utilitarianism, good life.

Для цитирования: Перов В. Ю. Моральная природа человека и споры о смертной казни: Кант против Беккариа // Логико-философские штудии. 2022. Т. 20, № 2. С. 225–237. DOI: 10.52119/LPHS.2022.65.68.015.

За свою богатую творческую биографию Ярослав Анатольевич Слинин, который более известен своими трудами в области логики, истории философии и истории логики, не столь часто обращался к этической тематике. Одной из таких работ является опубликованная в 2003 году статья «Иммануил Кант против маркиза Беккариа». В этой работе он анализирует причины, почему Кант, будучи уважаемым моральным философом и гуманистом, не только выступал за смертную казнь, но и пытался в полемике с Беккариа теоретически обосновать свою позицию. Для Я. А. Слинина отстаивание Кантом необходимости смертной казни, с одной стороны, очевидным образом противоречит базовым положениям кантовской моральной философии. Любопытно, что Кант по вопросу о смертной казни выступил в рядах противников Беккариа. В своей книге «Метафизика нравов» (1797), вышедшей из печати через 33 года после трактата «О преступлениях и наказаниях», он очень решительно настаивает на том, что смертная казнь должна применяться. Это как-то странно. Ведь о морали Кант вроде бы все правильно говорит. Достаточно вспомнить его возвышенное учение о категорическом императиве. А тут, рассуждая о необходимости смертной казни, он вдруг оказывается сторонником древней максимы «око за око и зуб за зуб» (Слинин 2003: 390). С другой стороны, создается впечатление, что указанное противоречие воспринимается им столь сильно, что он не находит ему явных объяснений и поэтому ограничивается следующим утверждением: «Видим, что на старости лет Кант сделался каким-то бездушным и злобным законником» (Слинин 2003: 393).

Следует отметить, что мысль именно об ошибке разделяют многие кантоведы. В сборнике «100 этюдов о Канте» в ответ на вопрос «В чем, по-вашему, состояла главная ошибка Канта?» Й. Тиммерман пишет: «Если взять в скобки некоторые погрешности его трансцендентального идеализма, то величайшей ошибкой Канта было то, что он защищал смертную казнь» (Васильев 2005: 175). Более аргументированную позицию занимает К. Э. Худ, который полагает, что приверженность смертной казни не только является ошибкой Канта, но и противоречит его утверждениям о праве, справедливости, свободе, разумной природе человека и категорическому императиву (Васильев 2005: 189–190). С другой стороны, далеко не все

исследователи считают кантовское оправдание смертной казни однозначно неправильным. В частности, Т. Хилл полагает: «на мой взгляд, многие из этих идей, хотя и не все, имеют всеобщее и вечное значение. Говоря в общем, идеи Канта, касающиеся оснований моральной и политической теории, более значимы, чем его мнения по очень конкретным практическим вопросам. Среди последних (очень конкретных вопросов), к примеру, его абсолютный запрет на ложь, на участие в революциях и „неестественных“ сексуальных действиях, а также его жесткие требования смертной казни для (практически) всех убийц, кастрации для содомитов и т. д.» (Васильев 2005: 106).

Учитывая, что споры о моральных аспектах смертной казни продолжают до сих пор, имеет смысл ещё раз вернуться к этой дискуссии, тем более что она продолжает быть актуальной не только в теоретическом, но и практическом отношении. В качестве иллюстрации можно обратиться к некоторым обстоятельствам состояния вопроса о смертной казни в современной России. В предельно общих чертах следует отметить следующее. В Конституции РФ 1993 года записано: «Смертная казнь впредь до ее отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей» (ст. 20.2). Стоит подчеркнуть: «впредь до ее отмены». Смертная казнь в Российской Федерации после введенного 16 апреля 1997 года «моратория» не может применяться, то есть наказание в виде смертной казни не должно ни назначаться, ни исполняться. Считается, что вопрос о невозможности её применения окончательно был разъяснён Конституционным судом в 2009 году на основании конституции и международных договоров, но норма о смертной казни по-прежнему осталась в российском законодательстве (Российская газета 2009). Стоит отметить, что на общероссийское голосование по изменению Конституции РФ 1 июля 2020 года вопрос о смертной казни не выносился.

В связи с выходом Российской Федерации из состава Совета Европы 15 марта 2022 года дискуссии о смертной казни снова актуализировались. Одним из первых вопрос о возможности восстановления института смертной казни публично поднял экс-президент РФ (2008–2012), в настоящее время заместитель председателя Совета Безопасности РФ Д. А. Медведев (Российская газета 2022), ссылаясь при этом на опыт отсутствия ее отмены в США и Китае. Идею возврата смертной казни активно поддержали многие депутаты Федерального Собрания РФ и общественные деятели. В то же время стоит обратить внимание, что общественное мнение населения России очень трудно оценить, поскольку в настоящее время есть мало достоверных исследований по этому вопросу, а те, что есть, дают основания для противоречивых интерпретаций. Получаемые в результате социологических опросов цифры показывают разнонаправленные тенденции изменения общественного мнения. Например, опубликованные 25 июня 2021 г. данные Левада-Центра по-

казывают, что «41% россиян считают, что следует восстановить смертную казнь, „как это было в начале 1990-х годов“. Этот показатель, достигнув минимума в 31% в 2015 году, вырос на 10 п. п. за шесть лет. Одновременно с этим доля тех, кто считает, что нужно сохранить нынешнее положение, сократилась с 27% летом 2015 года до 20% в 2021 году. 17% считают, что смертную казнь нужно полностью отменить, 16% уверены — нужно расширить применение смертной казни» (Левада-Центр 2022). А проведенное в конце февраля 2022 года компанией SuperJob исследование демонстрирует другие результаты: «С 2009 года процент одобряющих такую меру, как „смертную казнь“, в России упал. На сегодняшний день эту идею поддерживают 43% опрошенных, что на четверть меньше, чем 13 лет назад» (GAZETA SPb 2022). Но в обоих случаях количество сторонников смертной казни меньше половины участников исследований.

Иные данные получаются в результатах интернет-опросов. Даже если сделать скидку на их недостаточную валидность, возможную ангажированность участников и эмоциональность информационных поводов, цифры производят впечатление. В 2019 году Госдума организовала опрос о смертной казни после убийства девочки в Саратове: «На странице Госдумы в соцсети „ВКонтакте“ размещен опрос: „Как вы считаете, нужно ли вернуть смертную казнь для убийц детей и педофилов?“ Из него следует, что подавляющее большинство проголосовавших — за отмену моратория. По данным на 18:30 мск, в голосовании приняли участие 11600 человек: 8605 (74,18%) высказались „за“ и 2570 (22,16%) — „против“ (Российская газета 2009). Похожие результаты получены в результате онлайн опроса на сайте «Комсомольская правда» 26 марта 2022 г. На сформулированный редакцией вопрос «А Вы поддерживаете возвращение смертной казни в России» были получены следующие данные (21,1 тыс. ответов): 55% — «однозначно поддерживаю», 24% — «скорее поддерживаю», 7% — «скорее не поддерживаю», 7% — «однозначно не поддерживаю», 7% — «затрудняюсь ответить» (Комсомольская правда 2022). Таким образом, 74% ответивших по сути поддержали инициативу Д. А. Медведева о потенциальной отмене «моратория» на смертную казнь. В настоящее время нет возможности анализировать упомянутые цифры, но речь идёт о том, что и сегодня проблема смертной казни является дискуссионной в общественном мнении. Но остается вопрос о том, существуют ли резонные основания для этических дискуссий.

Обращаясь к позиции Я. А. Слинина, можно увидеть, что, по его мнению, с моральной точки зрения смертной казни как проблемы нет:

По идее, тут давно следовало бы навести порядок: мораль так мораль, здесь не должно быть двойной бухгалтерии. Государство, взятое в целом, общество, взятое в целом, должны точно так же подчиняться моральным нормативам, как подчиняются им отдельные граждане и отдельные члены общества. К счастью, в последнее время в данном вопросе можно отметить явные сдви-

ги в лучшую сторону. Все-таки нравы, хоть и медленно, но смягчаются. В настоящее время в ряде цивилизованных демократических государств отменены пытки и смертная казнь. В Европейский союз принимаются только те страны, в которых смертная казнь отменена. В цивилизованных демократических государствах не существует никакой цензуры; в них строго следят за тем, чтобы не нарушались свобода слова, свобода печати, свобода совести и др. Однако на земле имеется еще много нецивилизованных и недемократических стран, где и смертная казнь не отменена, и пытки применяются, и цензура весьма строга. Так что до идеала еще далеко (Слинин 2003: 387–388).

Оставляя в стороне возможные возражения в отношении «исторического оптимизма» по поводу морального прогресса и развития демократий, следует подчеркнуть, что, с точки зрения Я. А. Слинина, смертная казнь не имеет и не может иметь никаких разумных и моральных оснований.

Интерес к позиции Канта обусловлен не только тем, что он отстаивал смертную казнь. Одним из простых объяснений могла бы быть ссылка на исторические реалии, которые в большей или меньшей степени служат оправданием сомнительных, а иногда и аморальных с современных позиций утверждений мыслителей прошлого. Так, сегодня только эксцентричные личности всерьез пытаются отрицать этику Аристотеля в силу того, что он считал рабство этически нормальным явлением.

Несколько иначе дело обстоит с Кантом. Во-первых, его горячее и последовательное отстаивание смертной казни многими воспринимается как находящееся в явном или кажущемся противоречии с его моральной философией, что требует специального рассмотрения. Во-вторых, к тому времени, когда им были сформулированы обоснования смертной казни, существовало ее широкое обсуждение и критика, во многих европейских странах происходило реформирование уголовного законодательства, включающее сокращение применения смертной казни, вплоть до ее отмены.

Одним из теоретиков и идеологов этих процессов был Ч. Беккариа, опубликовавший ставшую знаменитой работу «О преступлениях и наказаниях». В ней он, во-первых, доказывает, что смертная казнь существует именно как «...право, присвоенное людьми, зверски убивать себе подобных» (Беккариа 2004: 125). Это означает, что оно по сути является не законным правом, а произволом и не имеет ни юридических, ни моральных оснований. Во-вторых, Ч. Беккариа последовательно рассматривает и отвергает аргументы о том, что смертная казнь является полезной для общества. С его точки зрения, существование смертной казни не способствует снижению количества преступлений, поскольку не является действенным средством устрашения. Ещё в меньшей степени она может помочь в деле воспитания и перевоспитания, поскольку в результате ее применения нравы в обществе ужесточаются, а не смягчаются. Поэтому единственное правильное

решение — это отмена смертной казни:

Следовательно, как я показал, смертная казнь не является правом и не может быть таковым. Это — война государства с гражданином в тех случаях, когда оно считает полезным и необходимым лишить его жизни. Но, если я докажу, что смертная казнь ни полезна, ни необходима, я выиграю дело человечества (Беккариа 2004: 126).

Следует обратить внимание, что аргументы Ч. Беккариа по сути являются утилитаристскими. Хотя само слово *утилитаризм* было введено позже И. Бентамом, имеет смысл его ретроспективное использование и для характеристики позиции Ч. Беккариа, по крайней мере в отношении к смертной казни. Если попробовать кратко сформулировать логику рассуждений сторонников утилитаризма по вопросам наказаний, то ее можно представить следующим образом. Любое наказание есть своеобразное «причинение вреда» (лишение свободы, денежный штраф, ограничение в правах и т. д.) преступнику как нарушителю закона. Взятое безотносительно, то есть без учета конкретных обстоятельств, «причинение вреда» есть нравственное зло в том смысле, что это морально запрещенное и/или осуждаемое действие. Иными словами, это является своеобразным морально оправданным исключением. «Причинение вреда» становится морально правильным, а тем более морально должным (нарушитель должен понести наказание), в том и только в том случае, если получаемое прямое или потенциальное благо перевешивает существующее или возможное зло. При этом важно отметить то обстоятельство, что с точки зрения утилитаризма (хотя далеко не у всех его сторонников это выражено в явной форме) критерием оправдания моральных исключений является не просто стремление к достижению блага, но и установление того, что никакими другими способами достижение искомого блага невозможно.

Наиболее общим критерием в этике утилитаризма выступает формула «наибольшее счастье (польза) для наибольшего числа людей». В контексте дискуссий о наказании, включая проблему смертной казни, указанная формула прежде всего подразумевает, что моральные оправдания «причинения вреда» прямо связаны с тем, достигается ли при этом такие цели правосудия, как возмещение ущерба, обеспечение общественной безопасности, предотвращение преступлений и т. д. Из приведенных выше рассуждений Ч. Беккариа о смертной казни видно, что на подобные вопросы он отвечает отрицательно. А если благие цели правосудия не достигаются, то, основываясь на консеквенциональной и целесредственной этике утилитаризма, невозможно морально оправдать смертную казнь. Правда, справедливости ради следует отметить: это не означает, что все утилитаристы являются сторонниками отмены смертной казни. Например, Дж. Ст. Милль, будучи утилитаристом, считал возможным применение смертной казни, правда в особых обстоятельствах, по отношению к совершившим преступление осужденным (Милль 2009). Суть в том, что и сторонники, и противники апеллируют к достижимо-

сти или недостижимости благих результатов, что выступает критерием оценки. Совсем иную позицию занимает И. Кант.

Для начала имеет смысл обратить внимание на то, какими резкими и нелестными словами оценивает И. Кант позицию своего оппонента:

А вот маркиз Беккариа из участливой сентиментальности напыщенной гуманности (*compassibilitas*) выдвинул против этого утверждение о *неправомерности* любой смертной казни на том основании, что такое наказание не могло содержаться в первоначальном гражданском договоре; ибо тогда каждый в составе народа должен был бы согласиться на лишение своей жизни, в случае если он убьет другого (из состава народа); но такое согласие невозможно, так как никто не может распоряжаться своей жизнью. Все это — софистика и крючкотворство (Кант 1965: 260).

Подобные слова позволяют заключить о принципиальном неприятии им взглядов Ч. Беккариа. При этом следует отметить, что в работах И. Канта нет развернутого и последовательного анализа аргументов Ч. Беккариа ни по поводу наказаний вообще, ни по поводу смертной казни. В связи с этим последующие рассуждения представляют собой реконструкцию позиции И. Канта в возможной дискуссии.

1) Представленная выше логика утилитаристских рассуждений прямо противоречит основоположениям кантовской моральной философии. В рамках данной статьи нет возможности обсуждать ставшие хрестоматийными идеи кантовской этики о том, что любое стремление к благу как к цели строится по принципам гипотетических императивов и не может быть моральным обязывающим законом для разумных существ. Направленные на достижение блага телеологические поступки являются неморальными. В лучшем случае они подпадают под правила благоразумия.

2) В тех случаях, когда телеологическим императивам стремления к удовольствию, счастью, пользе и т. д. пытаются придать морально долженствующий всеобщий и универсальный характер, они противоречат критериям категорического императива «по материи». Если распространить это на проблему наказания и смертной казни, то для И. Канта рассмотрение их с точки зрения целей и средств является аморальным, так как решение принимается с позиции того, будет наказание как «причинение вреда» полезно обществу или нет, при этом человек превращается в средство для достижения этой цели (Кант 1965: 256).

3) Похожие рассуждения можно выстроить и в отношении возможного перевоспитания преступника. Для И. Канта это сродни вмешательству в автономию человека, поскольку предполагает посредством угроз и насилия («причинение вреда») заставить человека измениться в угоду представлениям каком-то общественном благе.

В совокупности даже эти краткие тезисы, во-первых, показывают, что кантовская критика позиции Ч. Беккариа не только не противоречит его этике, но

и находится в ее русле, во-вторых, исходные для этой критики идеи И. Канта выглядят этически обоснованными и заслуживающими морального уважения. Но это не означает, что и суждения И. Канта о смертной казни являются морально правильными и обоснованными.

В качестве альтернативы целесредственному подходу к наказаниям И. Кант отстаивает идеи ретрибутивизма (карающая справедливость), а «ретрибутивизм долгое время считался особенно многообещающим источником обоснования в пользу смертной казни» (Potter 2002: 267).

В обобщенном виде ретрибутивизм (если не касаться различий между его вариативными формами — слабым, средним, сильным и т. д.) базируется на следующих базовых идеях. Во-первых, наказание рассматривается как своеобразное «поражение» нарушителя юридических и моральных норм. Иными словами, наказание является самоценным, то есть не имеет никаких других целей, кроме самого наказания. Во-вторых, наказание должно быть симметрично деянию, что наиболее наглядно выражается в известном законе талиона (*lex talionis*) «око за око, зуб за зуб».

Первая из этих идей созвучна характеристикам категорического императива (формализм, независимость от эмпирических условий, свобода от целей, в том числе от стремления к счастью, «долг ради долга» и т. д.), что и позволило И. Канту утверждать, что «Карающий закон есть категорический императив» (Кант 1965: 256). В связи с этим стоит согласиться с мнением Д. О. Аронсона:

*Необходимость понимания наказания как категорического императива прямо вытекает из заявленного Кантом априорного характера права. Ведь если предписания права и его форма не зависят от случайных эмпирических условий, то они по определению должны выступать для разумных существ как категорические императивы. Следовательно, категорическим императивом должно быть продиктовано и всякое правоприменение, не исключая наказания. Отсюда следует, что утверждение Канта о том, что «карающий закон есть категорический императив», не случайно и не ошибочно. *Обоснование наказания как категорического императива существенно для обоснования кантовского учения о праве в целом, и прежде всего его априорного и общезначимого характера* (Аронсон 2013: 53).*

Данное и подобные рассуждения вновь позволяют сделать вывод о том, что отстаивание И. Кантом необходимости смертной казни не только не противоречит, но и соответствуют основным идеям его моральной философии. Это возвращает нас к центральному вопросу: как получилось, что гуманистически ориентированная кантовская этика может морально оправдывать смертную казнь? Для решения данного вопроса имеет смысл кратко обратиться к некоторым его идеям о моральной природе человека.

1) В этическом плане одной из постоянно упоминаемых характеристик человека в философии И. Канта является разумность, которая по сути отождествляется с моральностью. Общеизвестными положениями кантовской этики выступают обращения моральных требований к людям как к «разумным существам». Именно благодаря своей разумности люди могут быть свободными и автономными существами, способными следовать категорическому императиву. Но это же относится и к процессам формирования правосудия, включающему и наказания:

Категорическое требование создания правовых институтов вытекает из того факта, что, будучи рациональными агентами, мы обязательно ценим свою свободу и поэтому стремимся сделать все возможное, чтобы актуализировать свободу как во внутреннем, так и во внешнем обличье. Теперь категорическое требование создания правовых институтов порождает категорическое требование наказания (Yost 2010: 3).

2) Не столь очевидным является кантовское понимание моральной природы человека в более привычном этическом смысле: являются ли люди по природе (то есть рождаются ли) злыми, добрыми или морально нейтральными? Следует отметить, что в основных этических произведениях («Основы метафизики нравственности», «Критика практического разума») данная проблема И. Кантом почти не затрагивается. Она оказывается одной из центральных в его работе «Об изначально злом в человеческой природе»:

Суждение *человек зол*, согласно сказанному выше, выражает только то, что человек сознает моральный закон и тем не менее принимает в свою максиму (случайное) отступление от него (Кант 1965а: 34).

Еще более подробно вопрос о моральной природе людей и их изначальной склонности ко злу рассматривается в «Религии в пределах только разума»:

...если эту склонность следует признавать для каждого человека вообще (следовательно, присущей характеру его рода), то ее можно назвать естественной склонностью человека ко злу... Можно мыслить себе три различные ступени его. Во-первых, это слабость человеческого сердца в соблюдении принятых максим вообще, или хрупкость человеческой природы; во-вторых, склонность к смешению неморальных мотивов с моральными (даже если это происходит с добрым намерением и сообразно максиме добра), т. е. недобросовестность; в-третьих, склонность к принятию злых максим, т. е. злонравие человеческой природы или человеческого сердца (Кант 1980: 99–100).

Начиная с античности в этике доминировала идея, что люди не могут сознательно выбирать зло, это может происходить только в результате ошибки, даже если эта ошибка была обусловлена испорченностью человеческой природы в результате грехопадения. Другими словами, когда люди совершают зло, то «они не

ведают, что творят». Иную точку зрения формулирует И. Кант: все люди, будучи разумными, знают, как поступать морально правильно, но некоторые в силу злонамеренности, испорченности или извращенности человеческого сердца (Кант 1980: 101) свободно и сознательно отказываются от того, чтобы быть моральными, и выбирают зло. Тем самым, по его мнению, они вступают в противоречие со своей разумной (моральной) природой и как бы добровольно «исключают» себя из людей, или, по крайней мере, из человеческого сообщества, поэтому и не заслуживает морального отношения к себе. И. Кант специально обсуждает последний момент, стараясь обосновать, что совершивший преступление добровольно лишает себя всяких прав, кроме как быть наказанным по праву возмездия, включая смертную казнь (Кант 1965: 256–261).

Кратко анализируя позицию И. Канта по поводу наказания и смертной казни, следует обратить внимание на следующие обстоятельства.

Во-первых, общее замечание. Ранее неоднократно упоминалось, что кантовское отношение к смертной казни не только не противоречит, но и в своих основных моментах соответствует его моральной философии. Данное утверждение не означает, что И. Кант прав во всех этических вопросах. Сложившиеся заслуженное уважение и пиетет в отношении кантовской этики не позволяют признать ее универсальным характером для решения на ее основе всех моральных проблем. Критическое обсуждение, поиск ее ограничений и недостатков является существенной частью этических дискуссий последних двух столетий. В контексте темы морального обоснования наказания можно вспомнить, что ещё А. Шопенгауэр писал:

Воздаяние злом за зло без дальнейшей цели не может быть оправдано ни морально, ни каким-нибудь иным разумным основанием, и *jus talionis* в качестве самостоятельного последнего принципа уголовного права бессмысленно. Поэтому кантовская теория наказания как простого воздаяния ради воздаяния совершенно неосновательна и ложна (Шопенгауэр 1993: 446).

Во-вторых, указанное выше замечание А. Шопенгауэра возвращает к проблеме ретрибутивизма как идее карающей справедливости. Не имея возможности детального обсуждения его достоинств и недостатков, отметим, что и в кантовской концепции присутствует существенная непоследовательность интерпретации идеи воздаяния. Именно необходимостью симметричности наказания И. Кант обосновывает должную необходимость смертной казни. Но возникает вопрос, почему тогда смертной казнью должны караться «государственные преступления» типа революции? Где здесь симметричность? Противоречивость отношения к последней усугубляется и тем, что И. Кант констатирует невозможность буквального применения принципа ретрибутивизма «око за око» в правосудии (Кант 1965: 257–258). Но тогда почему он не оспаривает буквальность этого принципа в отношении смертной казни? Получается, что на место необходимости и морального долженствования ставится произвол.

Кроме того, из необходимости наказания преступника ни логически, ни этически не следует, что наказание должно осуществляться именно в виде смертной казни. Указанные непоследовательности в рассуждениях позволяют сделать предположение, что он лично был убежден в правильности применения смертной казни и занимался попытками теоретического обоснования своих убеждений, что неизбежно приводит к логическим и моральным противоречиям. Позицию И. Канта можно охарактеризовать общей оценкой ретрибутивизма, предложенной Г. Хартом: «карающее правосудие кажется таинственным образцом моральной алхимии, в котором сочетание двух зол — моральной испорченности и страдания — превращается в добро» (Hart 1968: 234–235).

В-третьих, необходимо упомянуть о моральной природе человека. Для И. Канта всякая целесредственная деятельность, включая стремление к счастью, благу и т. д., является в лучшем случае неморальной. Конечно, он неоднократно оговаривается, что

Это различие принципа счастья и принципа нравственности не есть, однако, противопоставление их, и чистый практический разум не хочет, чтобы отказывались от притязаний на счастье; он только хочет, чтобы эти притязания не принимались во внимание, коль скоро речь идет о долге (Кант 1965б: 421).

Но подобного рода высказывания не отменяют того, что счастью нет места в нравственности и в моральных оценках. Стоит констатировать, что это утверждение в его кантовской категорической форме является ошибочным. Здесь нет возможности обсуждать многочисленные дискуссии о соотношении телеологического и деонтологического подходов в этике, но можно констатировать, что ни один из них не является универсальным, они взаимно дополняют и ограничивают друг друга.

Одна из существенных проблем для уходящей корнями в кантовскую моральную философию деонтологической этики — это ответ на вопрос «зачем». Строго говоря, он даже не может быть поставлен, поскольку является телеологическим, то есть находящимся вне этических рассуждений, обоснований и оценок. Это с точки зрения целесредственной этики утилитаризма можно поставить вопрос «зачем нужна смертная казнь», сторонники деонтологической этики просто говорят «так должно».

Проблема в том, что природа людей, в том числе составляющая, которая определяет их моральные поступки, включает целесообразные и целеполагающие устремления. Люди хотят и имеют моральное право жить в мире, счастье, безопасности, общаться с другими, получать другие жизненно важные блага и наслаждаться ими. Все это в совокупности составляет хорошую, в том числе морально правильную, жизнь. Кантовская этика через оправдание смертной казни не может ответить на вопрос, способствует ли данная мера наказания достижению такой жизни.

Утилитаризм же отвечает, что, поскольку смертная казнь не решает задач обеспечения безопасности, снижения уровня преступности, смягчения нравов и т. д., она не имеет моральных оправданий и должна быть заменена другими видами наказаний.

В качестве итога можно сформулировать следующее. Защита смертной казни не была каким-то «отклонением» в творчестве И. Канта. Его формально должествующий ретрибутивизм оправдывает смертную казнь. Высказанные Ч. Беккариа «утилитаристские» доводы против смертной казни являются морально более правильными и весомыми.

Литература

- Аронсон 2013 — *Аронсон Д. О.* Обоснование правового наказания в философии Канта // Кантовский сборник. 2013. № 3 (45). С. 50–58.
- Беккариа 2004 — *Беккариа Ч.* О преступлениях и наказаниях / сост. и предисл. В. С. Обинского. М.: ИНФРА-М, 2004.
- Васильев 2005 — 100 этюдов о Канте / общ. ред. В. В. Васильева. М.: КДУ, 2005.
- Кант 1965а — *Кант И.* Метафизика нравов в дух частях // Сочинения в шести томах. Т. 4, ч. 2. М.: Мысль, 1965. С. 109–439.
- Кант 1965b — *Кант И.* Об изначально злом в человеческой природе // Сочинения в шести томах. Т. 4, ч. 2. М.: Мысль, 1965. С. 6–57.
- Кант 1965с — *Кант И.* Критика практического разума // Сочинения в шести томах. Т. 4, ч. 1. М.: Мысль, 1965. С. 312–501.
- Кант 1980 — *Кант И.* Религия в пределах только разума // Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. С. 78–278.
- Комсомольская правда 2022 — Большинство россиян выступили за возвращение в России смертной казни // Комсомольская правда. 26.03.2022. URL: <https://www.kp.ru/daily/27371.5/4563663> (дата обращения: 10.06.2022).
- Левада-Центр 2022 — Смертная казнь и преступность // Левада-Центр. URL: <https://www.levada.ru/2021/06/25/smertnaya-kazn-i-prestupnost> (дата обращения: 10.06.2022).
- Милль 2009 — *Милль Дж. Ст.* Речь в защиту смертной казни (1868) // Этическая мысль. 2009. Вып. 9. С. 183–192.
- Российская газета 2009 — Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р «О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации „О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР „О судостроительстве РСФСР“, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР,

- Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» // Российская газета. 27.11.2009. № 226 (5050).
- Российская газета 2019 — Госдума запустила опрос о смертной казни после убийства девочки в Саратове // Российская газета. 11.10.2019. URL: <https://rg.ru/2019/10/11/reg-pfo/gosduma-zapustila-opros-o-smertnoj-kazni-posle-ubijstva-devochki-v-saratove.html> (дата обращения: 10.06.2022).
- Российская газета 2022 — Медведев о смертной казни в России: Ограничений теперь нет // Российская газета. 25.03.2022. URL: <https://rg.ru/2022/03/25/medvedev-o-smertnoj-kazni-v-rossii-ogranichenij-teper-net.html> (дата обращения: 10.06.2022).
- Слинин 2003 — *Слинин Я. А.* Иммануил Кант против маркиза Беккариа // Логико-философские штудии. 2003. № 2. С. 387–393.
- Шопенгауэр 1993 — *Шопенгауэр А.* Мир как воля и представление // О четверяком корне... Мир как воля и представление. Т. 1. Критика кантовской философии / пер. с нем. М.: Наука. 1993. С. 125–503.
- GAZETA SPb 2022 — SuperJob: идею смертной казни в России допускают 43% граждан // GAZETA SPb. 01.03.2022. URL: <https://gazeta.spb.ru/2475221-superjob-ideyu-smertnoj-kazni-v-rossii-dopuskayut-43-grazhdan> (дата обращения: 10.06.2022).
- Hart 1968 — *Hart H. L. A.* Punishment and Responsibility. Oxford: Oxford University Press, 1968.
- Potter 2002 — *Potter, Nelson T.* Kant and Capital Punishment Today // The Journal of Value Inquiry. 2002. Vol. 36. P. 267–282.
- Yost 2010 — *Yost, Benjamin S.* Kant's Justification of the Death Penalty Reconsidered // Kantian Review. 2010. Vol. 15, no. 2. P. 1–27.